

for Digital Preservation [Electronic resource]. URL: <http://www.clir.org/pubs/reports/rothenberg/introduction.html#preservation> (дата обращения: 22.02.2010).

Hubbard J. Preserving the Immaterial : the Guggenheim Museum's Variable Media Initiative. [Electronic resource]. URL: <http://www.experimentalvcenter.org/history/preservation/prestext.php?id=3&page=1> (дата обращения: 22.02.2010).

Статья поступила в редакцию 26.02.2010 г.

УДК 069.53 + 821.161.1

М. Ю. Кряжевских

МОДИФИКАЦИЯ «МУЗЕЙНОГО» ЯЗЫКА В КОММУНИКАТИВНОМ ПОЛЕ ОБЪЕДИНЕННОГО МУЗЕЯ ПИСАТЕЛЕЙ УРАЛА

Рассматривается проблема «музейного» языка и некоторые возможности ее решения, успешно применяемые в музейной практике для расширения поля и обновления каналов музейной коммуникации, разнообразия презентации единого дискурса культуры и литературы Урала, презентуемого филиалами, и соответствия современной культурной ситуации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: принципы выражения музейной экспозиции, музейная коммуникация, средства выражения, музеи писателей Урала.

В современной культурной ситуации одним из магистральных направлений исследований стало исследование коммуникаций, основывающееся на актуальном сегодня понимании культуры как независимых миров. В данном контексте особого внимания требует изучение каналов межкультурной коммуникации, к которым относятся и музеи. Важным вопросом в области музейной коммуникации на современном этапе является проблема «музейного» языка.

Несмотря на то, что одним из магистральных направлений исследований в культурологии и музееведении был выбран коммуникационный подход, в области музейной практики и теории существует целый ряд специфических проблем, одной из которых является проблема «музейного» языка.

Наиболее известное решение этой проблемы находится на стыке теории и истории музееведения. В своей работе Е. Н. Мастеница отмечает, что «алфавит» форм собраний и их интерпретации базируется на исторических типах музейного отношения к вещам. При таком подходе для культуры барокко, например, характерно внимание к экзотике, необычным предметам, отражающим причудливое многообразие мира; для классицизма, где формируется понятие наследия, — появление ценностной иерархии, позволяющей выделять вершинные достижения культуры и ее вторичные, несовершенные проявления; для романтизма, опирающегося на категории архаики и героики, — определение трактовки предметов как памятников и реликвий, и т. д. В рамках научного подхода вещи выступают как свидетельства, документы, источники, с точки зрения эстетики — как воплощение красоты. По мере развития

в европейской культуре историзма музейные собрания стали интерпретироваться как отражение исторического процесса. Во второй половине XIX в. на первый план в музеях выходит научное отношение к коллекциям, однако оно недолго сохраняется в чистом виде, а ассимилирует прочие (исторически более ранние) типы отношения к вещам. Так возникает особый — эпический — тип интерпретации собраний, характерными чертами которого являются повествовательность и объективизм [см.: Мастеница, 299] Именно он становится ведущим в XX в. В последнее время в качестве альтернативы эпическому выдвигаются лирический и драматический модусы интерпретации собраний.

Такой подход успешно применяется в музейной практике, но специфика современной культурной ситуации не позволяет ограничиваться только им. Из всех институтов культуры музеев в функциональном и организационном аспектах наиболее ориентирован на традицию. В связи с этим российские музеи, которые исторически более консервативны, чем западные, уже давно столкнулись с проблемой своего рода закостенелости «музейного» языка. В условиях постмодернистской культурной парадигмы назрела необходимость обретения большей символичности и разнообразия для многовариантного «прочтения» музейной экспозиции. Современные отечественные музеи должны ориентироваться на обновление и вариативность языкового пространства музея.

Проблема вариативности и обновления «музейного» языка как одного из важных каналов культурной коммуникации остро стоит и перед крупными музейными объединениями, которые испытывают острую потребность в разнообразном и эмоционально-выразительном освещении общего культурного дискурса, особенно литературные музеи, наиболее страдающие от дефицита выразительных средств.

Осуществление вариативности в организации экспозиций и в средствах ее реализации в крупном комплексе литературных музеев можно подробно рассмотреть на примере нескольких филиалов Объединенного музея писателей Урала (ОМПУ) в Екатеринбурге, которые являют собой образец разных экспозиционных подходов в трансляции единого дискурса культурного и литературного прошлого Урала и различных вариаций в структуре языкового музейного пространства.

Данная проблема встала перед сотрудниками ОМПУ при реорганизации музейного комплекса, включающего несколько филиалов, представляющих единый культурно-литературный дискурс Уральского региона. Для решения этой проблемы были сформулированы следующие задачи:

- дать определение вариативности «музейного» языка и установить возможности его обновления;
- исследовать особенности организации «музейного» языка уже существующих филиалов и подчеркнуть индивидуальность каждого;
- обновить «музейный» язык некоторых филиалов и за счет этого изменить уклон презентуемого дискурса;
- ввести «музейный» язык в область новых технологий и за счет этого расширить коммуникационный потенциал музейного объединения.

Специфика каждого из музеев, входящих в состав Объединенного музея писателей Урала, позволяет расширять социокультурные, образовательные и музееведческие задачи, которые обычно ставятся перед литературными музеями. Объединение музеев разных видов (мемориальный, литературно-мемориальный, литературно-этнографический, виртуальный и другие синкретические виды музейной организации, такие как музей кукол и музей детской книги) в один культурно-образовательный институт определило большее научно-образовательное поле и большее поле демонстрации культурных реалий прошлого и настоящего.

Экспозиции филиалов Объединенного музея писателей Урала, кроме демонстрации вариативных возможностей «музейного» языка, представляют и альтернативные решения его обновления.

Вариативность «музейного» языка заключается в определении экспозиционером ряда «предметов», которые станут его элементами и будут участвовать в акте коммуникации. Кроме того, вариативность может проявляться на функциональном и организационном уровнях, т. е. когда экспозиционер решает, на каких элементах и свойствах «языка» должны быть расставлены акценты, а каким отвести второстепенное место. Обновление можно рассматривать как включение в языковое пространство музейной экспозиции таких элементов, которые традиционно не используются для создания «музейного» языка.

Например, реализация этого условия Музеем Д. Н. Мамина-Сибиряка позволила трансформировать микродискурс музея в сторону разнообразия каналов культурной коммуникации и большего охвата интегративными отношениями образовательной среды города и области, ориентируясь на потребности современного общества. Для реализации этой задачи музей принципиально реорганизовал экспозицию и пересмотрел принципы «музейного» языка.

Изначально экспозиция этого филиала существовала в форме, традиционной для литературно-мемориального музея, и презентовала дискурс жизни и творчества Д. Н. Мамина-Сибиряка. Традиционная форма выражалась в организации мемориальной части дома и отдельной литературной экспозиции, представляющей литературное наследие писателя и определяющей его место в русской литературе.

Новая экспозиция Музея Д. Н. Мамина-Сибиряка основывается на принципе сочетания мемориальных предметов и сценографического принципа в организации музейной экспозиции. При неизбежном в таком случае процессе демеморизации экспозиция создает модель дома семьи писателя и модель частной жизни отдельного человека второй половины XIX в. Такой подход рождает много споров, но соответствует задачам, которые поставили перед собой создатели новой музейной экспозиции. Идею замысла экспозиции, реализованного средствами обновленного «музейного» языка, выразила в своей статье научный сотрудник музея Г. Комогорцева: «Художник как режиссер-постановщик “разыгрывал” свой спектакль, смело внося собственное видение проблемы, обогащая экспозицию новыми философскими смыслами... Мемориальный музей Д. Н. Мамина-Сибиряка — это музей-метафора, наполненный образами, аллегориями, тайными смыслами... Это музей взрослого человека, которому детс-

кие воспоминания запаха бабушкиного комода говорят больше, чем толстый альбом с фотографиями» [Комогорцева, 20].

Сценографическое решение экспозиции реализует ретроспективно-ассоциативный образ обновленного музея. Вариативность и обновление «музейного» языка экспозиционного поля выражается не только в синтезе меморий и типологии, подлинных вещей семьи Маминых и самого писателя со сценографией, но и в организационном подходе к литературной части микродискурса. Литературное наследие писателя, а также дискурс литературного процесса второй половины XIX столетия в России, в который было включено творчество Д. Н. Мамина, отнесен в «скрытый» (в прямом смысле слова) контекст «языкового» пространства музея. Это стало возможным благодаря проектированию и созданию особых витрин, которые внешне копируют предметы мебели второй половины XIX в.: комод, конторка, буфет. Подобные витрины не разрушают пространство жилого дома презентуемой эпохи, они сценографически организуют его и создают условную среду обитания семьи писателя, при этом типизируя и обобщая полученный образ. Подобная типизация — необходимое условия для создания дискурса типичной жилой обстановки дома второй половины XIX столетия и включения семьи Маминых в дискурс семьи и семейных ценностей той эпохи.

Традиционное предназначение витрины как элемента, организующего музейное пространство, заключается не только в возможности презентации и сохранности культурного или исторического артефакта, но и в выделении предмета из окружающей среды, акцентировании на нем внимания посетителя. Такое выделение представляет собой невербальный акт музейной коммуникации, в результате которого коммуникант получает информацию об особой значимости презентуемой вещи. Специфика подхода, примененного экспозиционером и художником в случае с новой экспозицией Музея Д. Н. Мамина-Сибиряка, позволяет не выделять предмет из окружающего пространства, а органично вводить его в коммуникативное поле экспозиции, что создает иллюзию подлинности, мемориальности обстановки. Происходит театральный эффект переноса зрителя в созданную реальность, при этом она не отделена от него занавесом и пространством между залом и сценой. Эта «реальность» окружает посетителя, вызывая эмоциональное прочтение информации. Посетитель получает необходимые ему впечатления от «увиденного» фрагмента прошлого.

Витрины позволили «скрыть» материалы, представляющие литературный дискурс жизни и деятельности писателя (издания произведений Д. Н. Мамина-Сибиряка, фотографии писателей и деятелей культуры, входивших в его окружение, письма и документы, которые были бы излишними в доме его матери или не могли фактически там находиться) путем размещения их внутри потайных отделений. «Тайные» отделения витрин-комодов, витрины-буфета и витрины-конторки содержат письма и документы, газетные публикации, отзывы критиков, фотографии и издания произведений писателя

Таким образом, витрина выступает здесь элементом «музейного» языка и включается в специфический диалог с посетителем, активно участвуя в процессе коммуникации. Литературный контекст оказывается, с одной стороны, извлеченным из экспозиции, а с другой (при необходимом посредничестве экскурсовода) —

становится доступным для посетителя, но не влияет на впечатление от воспринимаемой модели жилого дома второй половины XIX в. Такое решение музейного пространства позволило реализоваться новым коммуникативным возможностям музейного оборудования и создать новый тип экспозиции — синкретический. В этом случае можно говорить об особой роли экскурсовода. Выстраивается сложная цепочка субъектно-объектных отношений во время акта музейной коммуникации, при которой присутствие экскурсовода как дешифратора и толкователя обязательно: в подобной форме пространственного решения музейной экспозиции элементы «музейного» языка не «заговорят» самостоятельно.

Подобная трансформация музейного оборудования, его необычный облик добавляют к традиционному жанру экскурсии элементы шоу и игры, что способствует лучшему усвоению информации.

Таким образом, можно сказать, что Музей Д. Н. Мамина-Сибиряка использует в своей деятельности новые возможности и формы музейной коммуникации и опирается на обновленный «музейный» язык.

Генезис Музея Д. Н. Мамина-Сибиряка демонстрирует принципиальное изменение культурно-исторического дискурса музейной экспозиции с вхождением в новую культурную парадигму в соответствии с современными потребностями российского общества. Мы наблюдаем локализацию дискурса от презентации литературного процесса на Урале и места в нем уральского классика к микродискурсу семьи Маминых как представителей традиционного семейного уклада второй половины XIX в. Этот подход открывает новые режимы музейной коммуникации, расширяет сферу семейного досуга и представляет дополнительные возможности для внеклассной воспитательной работы.

Совершенно иные принципы организации языкового пространства музея является пример Музея П. П. Бажова в Екатеринбурге. Выбор формы «музейного» языка в этом случае был обусловлен исторически: музей располагается в доме, где писатель прожил большую часть жизни; особенностью его экспозиции стала подлинность обстановки, которая и диктует специфику коммуникативного поля экспозиции. Дом, в котором был открыт музей, не только принадлежал писателю, но и был лично им спланирован и построен. В сознании екатеринбуржцев П. П. Бажов и его дом давно связаны в один смысловой узел. Дом поступил в распоряжение музея от вдовы писателя со всей обстановкой, поэтому можно говорить о большой роли самой меморируемой личности и ее семьи в создании коммуникативного поля музейного пространства. В этом случае мы сталкиваемся с меньшим количеством моделей презентуемого дискурса в мемориальной части дома. В связи с этим в дальнейшем для демонстрации более широкого диапазона интерпретаций жизни и творчества П. П. Бажова, невозможного в контексте мемориальности, музей пользовался другими площадками и выставочными залами.

Основными элементами «музейного» языка в коммуникативном поле Музея П. П. Бажова выступают личные вещи писателя, что является сегодня редким качеством в музейном пространстве страны. Уникальность коммуникативного поля Дома-музея П. П. Бажова состоит прежде всего в том, что вещи в экспозиции не появились по воле экспозиционера; само пространство, в котором протекала жизнь писателя, наполненное его личными вещами, стало

и границами музейного контекста, и самой экспозицией. Эта особенность формирует и дискурс, презентуемый музеем, и задачи музейной коммуникации: «Не получение какой-то информации, связанной с жизнью создателя уральских сказов, а встреча с Бажовым — вот главный смысл посещения сегодня этого дома, давно уже ставшего музеем» [Лукьянин, Никулина, 107].

Мемориальность «музейного» языка позволяет воспринимать результат коммуникативного акта, в котором участвует посетитель в музее, как «визит» к самому писателю, потому что каждый элемент «языкового» уровня экспозиции несет личную информацию. Это не сценографическая реконструкция, как в случае с Музеем Д. Н. Мамина-Сибиряка, а целиком подлинный дом с обстановкой, который не нуждается в потайных шкафчиках витрин, потому что каждая вещь оказывается встроенной в литературно-культурный дискурс и связана с литературной деятельностью писателя. Таким образом, полная подлинность — это не просто сохранившийся ансамбль, но как бы законсервированный мир человека со всеми бытовыми мелочами и подробностями, что встречается крайне редко и является уникальным документальным свидетельством прошлого.

Специфический вариант «музейного» языка представляет Музей П. П. Бажова в Сысерти, где организующим элементов музейного пространства выступает о к р у ж а ю щ и й л а н д ш а ф т. В этом случае можно говорить об открытом принципе в организации музейной экспозиции, потому что ландшафт играет определяющую роль в создании микродискурса, транслируемого этим филиалом, по сравнению со зданием музея. Ландшафт (даже отдаленный, но обозреваемый) — сохранившиеся старые деревянные дома, городской пруд, плотина, вид на гору — входит в коммуникативное поле музейной экспозиции и становится элементом «музейного» языка, участвуя в коммуникационном процессе. Несмотря на неизбежное изменение ландшафта, все же историческая часть города еще не подверглась кардинальным преобразованиям: по-прежнему доминирует горизонталь; окружающие музей дома не превышают двух этажей; не изменился и вид противоположного берега пруда с горой. Посетитель в первую очередь приезжает на родину П. П. Бажова, совершает своеобразное паломничество, желая получить не столько фактическую, сколько эмоциональную информацию, пережить особое состояние, испытать особые чувства.

Сегодня мы стали свидетелями такого феномена, как виртуальный музей: музеи начинают существовать в виртуальной реальности. С некоторой долей условности это явление также можно отнести к вариативной природе «музейного» языка, так как в организации коммуникативного акта были задействованы его элементы. Таким образом, в и р т у а л ь н о с т ь — это новый канал коммуникации для трансляции музейного дискурса.

В коммуникационном режиме музейного сайта функционируют и такие виртуальные музеи Объединенного музея писателей Урала, как Музей А. П. Гайдара и Музей живой книги. Помимо задач социальной и культурной коммуникации, они как полноценные музеи выполняют и сугубо музейные функции: обладая определенной экспозицией, они презентуют заданный микродискурс. Специфика виртуального музея в аспекте коммуникации заключается в том, что он не просто является новым типом канала для передачи музейной информации, но

при участии элементов «музейного языка» (фотодокументы, письменные документы, предметы эпохи, личные вещи и др., точнее, их изображения) создает новое музейное пространство, которое в реальности может и не существовать. Например, пространство, презентуемое виртуальным филиалом Объединенного музея писателей Урала — Музеем А. П. Гайдара, не имеет аналога в реальности: оно целиком смоделировано художником по сохранившимся фотографиям интерьера дома, в котором жил писатель. Виртуальный музей обогащает общий дискурс объединения и социокультурное городское пространство дополнительной реальностью, специфика которой заключается в буквальном воплощении теоретической схемы, которая иллюстрирует коммуникационный акт в пространстве реальной музейной экспозиции, когда артефакт, будучи элементом «музейного» языка, является посредником между миром, где он был изготовлен, и нами, сегодняшними, выступая в роли «ключа», актуализирующего информацию о некоем дискурсе прошлого. В виртуальном музее объект не просто актуализирует информационные потоки, а к нему буквально прикрепляется информационный блок, некий законченный текст, который становится визуально доступным при манипуляции субъекта коммуникации определенными инструментами. Виртуальный музей А. П. Гайдара осуществляет разновозрастную и межстратовую коммуникации, особенно за счет режима форума.

На примере нескольких филиалов Объединенного музея писателей Урала мы продемонстрировали разные варианты «музейного» языка и различные принципы организации музейной экспозиции, что формирует яркий и запоминающийся образ каждого музея. Реализация этого условия детерминирует принцип взаимосвязи и дополнения микродискурсов, презентуемых филиалами музейного комплекса, и их слияние в единый дискурс Объединенного музея писателей Урала. Вариативность «музейного» языка служит для создания сильного впечатления от материалов экспозиции, способствующего восприятию и усвоению информации; это свойство коммуникативного поля филиалов Объединенного музея писателей Урала активно используется системой образования в процессе музейной интеграции и коммуникации.

Таким образом, Объединенный музей писателей Урала, сконцентрировав свои усилия на решении актуальной проблемы «музейного» языка, разнообразил музейное языковое пространство, включив обновленный «музейный» язык в реалии новой культурной ситуации, приблизив его к потребностям современного общества. Это позволило также решить проблему с инвариантной презентацией единого культурно-литературного дискурса Урала в разных филиалах музейного объединения.

Мастеница Е. Н. Эвристический потенциал коммуникационного подхода в музееведении // *Соврем. проблемы межкультур. коммуникаций.* СПб., 2007. С. 295–302.

Кологорова Г. Придумывать жизнь нельзя // *Мир музея.* 2007. № 3. С. 19–22.

Лукьянин В. П., Никулина М. П. Литературный квартал. Екатеринбург, 2008.